ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1977

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

БЛАГОВА Г. Ф.

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ *

Памяти Виктора Максимовича Жирмунского посвящается

1. Перед тюркским языкознанием в настоящее время стоит сложная задача создания сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Сложность задачи становится особенно очевидной, если учесть следующее. В индоевропеистике, например, известен целый ряд языков II тысячелетия до н. э. (хеттский, лувийский, палайский, микенский греческий, праиндийский) [1]. Между тем тюркология располагает древнетюркскими памятниками не ранее VI—VII вв. н. э., языки которых к тому же не имеют прямых связей с современными языками [2], но за отсутствием других языковых сведений, показания которых неоценимы для реконструкции развития тюркских языков. В этих условиях для установления путей развития тюркских языков и отдельных грамматических категорий в них оказываются чрезвычайно важными комплексные исследования, построенные на привлечении показаний как памятников древнетюркской и раннесредневековой письменности, так и современных живых тюркских языков и их диалектов [3]. Вопрос о границах и объеме использования материалов современных тюркских диалектов, а также опыта диалектологии и лингвистической географии в целях сравнительно-исторической грамматики в последнее время становится предметом специального обсуждения. Не менее остро встает вопрос, тесно связанный с природой письменно-литературного языка, а именно: на каких основаниях и в какой мере должны использоваться данные древних и средневековых тюркских текстов в построениях сравнительно-исторической грамматики? По причине ограниченности лингвоисторического материала, которым располагают тюркологи, из рассмотрения не могут быть исключены тексты поэтические [4]: от мно-

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на Чтениях, посвященных памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского (Л., 1976).

[1] См.: В. И. Георгиев, Индоевропейское языкознание сегодня, ВЯ, 1975, 5, стр. 4.

[2] См.: Э. В. Севортян, К источникам и методам пратюркских реконструкций, ВЯ, 1973, 2, стр. 36.

[3] В настоящее время, однако, признается, что, пользуясь данными письменных памятников, современных языков и диалектов только этой лингвистической группы, «нельзя представить состояние тюркских языков глубже V в. н. э.» (А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968, стр. 22).

[4] Э. А. Макаев вслед за А. Мейе призывает, в частности, к сугубой осторожности в оперировании «поэтическими формами», видя в них гетерогенные явления, принадлежащие различным хронологическим пластам, и считает необходимым отграничивать эти формы для последующего специализированного их рассмотрения (см.: Э. А. Макаев, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М., 1964, стр. 20; его же, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 12 и сл.).

гих исторических периодов дошли до наших дней или исключительно или преимущественно поэтические тексты.

Кругом названных проблем обусловлены поиски новых подходов и методических приемов в лингвоисторических исследованиях, что характерно для тюркского языкознания последних лет. В связи с этим пристальное внимание привлекает опыт комплексного применения различных методов в индоевропеистике, на основе чего в этой отрасли лингвистики были получены особенно важные результаты [5].

Внедрению филологических приемов в языкознание уделял большое внимание В. М. Жирмунский. Он оставил образцы комплексных исследований — будь они лингвистическими, фольклористическими или литературоведческими. В. М. Жирмунский принадлежал к плеяде блестящих ученых, которые вели языковедческий анализ, опираясь на солиднейшую филологическую базу, и широко использовали при этом разнообразные приемы филологического исследования, а в собственно филологических, например фольклористических, разысканиях не менее глубоко привлекали лингвистические данные, языковедческие способы рассмотрения материала. В этом плане особенно интересно для нас исследование В. М. Жирмунского о ритмико-синтаксическом параллелизме в древнетюркском эпическом стихе [6].

В последние годы стало особенно очевидным, что от применения одних лишь описательных лингвистических приемов, прежде всего тех, которые связаны с структурно-генетической трактовкой языковых явлений, и простой инвентаризации грамматических форм нельзя ждать адекватного истолкования показаний письменных памятников, и в первую очередь — принадлежащих к поэтическим жанрам. К примеру можно сослаться на специальное исследование категории падежа в средневековой этико-дидактической поэме XI в. «Кутадгу билиг» [7], которое практически ограничивалось констатацией многообразной формантной вариантности ряда падежей, без попыток объяснить это явление. Между тем, падежное склонение принадлежит к числу центральных, узловых категорий языка (которые обладают к тому же особо высокой частотностью): именно склонение во многом определяет специфику языковой системы, и его изучение весьма важно для понимания данного языка. Наши исследования показали, что как раз склонение традиционно являлось одним из главных «водоразделов», по которому в истории среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка шло разграничение его поэтического и прозаического вариантов. С анализом склонения оказались неразрывно переплетены многие вопросы, связанные с функционированием письменно-литературного языка; поэтому именно эта категория требует к себе максимум внимания.

Для понимания в целом системы языка, представленного в поэме, как и его склонения, в частности, необходимо считаться с тем, что «Кутадгу билиг» — это, прежде всего, уникальный в своей репрезентативности феномен тюркоязычной литературы XI в. со всей ее спецификой. Возможность структурно-генетической трактовки отпадает сразу же, как только мы примем во внимание свидетельство Юсуфа Баласагунского о том, что «Ку-

---

[5] В. И. Георгиев, указ. соч., стр. 5.

[6] В. М. Жирмунский, Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха, ВЯ, 1964, 4. Попытка сочетать приемы собственно лингвистические и филологические, например, в текстологическом исследовании представлена в статье: Э. Н. Наджип, Сравнительный анализ текстов намаганского и каирского списков «Кутадгу билиг», «Советская тюркология», 1974, 6.

[7] См., например: К. Каримов, Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». АКД, Ташкент, 1962.

тадгу билиг» написано им на «богоханском языке тюркскими речениями» (buγra ḫan tilinče türk luγatinče КВІ [8] 2 $A2_{13}$ — A $3B_{14}$), т. е. на языке, письменно-литературная природа которого безусловна, на языке, который никак нельзя отождествлять с народным языком того времени.

Уникальность этого поэтического памятника исключает для языка XI в. возможность проведения синхронических сопоставлений в целях установления его основы и заставляет искать новую методику изучения, которая по необходимости подразумевает синтез как собственно лингвистических приемов (в том числе функционально-стилистического, оказавшегося результативным именно для изучения морфологии поэтических текстов), так и филологического подхода, продиктованного спецификой объекта изучения. Необходимость такого комплексного подхода диктуется также самим характером того фрагмента морфологии языка «Кутадгу билиг», который избран нами для изучения, а именно падежного склонения. В ряде случаев здесь налицо избыток функционально тождественных, но формально различных признаков в рамках одного падежа.

Итак, на основе комплексного подхода к исследованию склонения в языке «Кутадгу билиг» попытаемся осмыслить его природу и причины избытка функционально тождественных формальных средств в рамках одного падежа.

2. В этих целях, прежде всего, был произведен системный анализ склонения в «Кутадгу билиг». Падежные формы, представленные здесь, изучались в основном по трем параметрам: а) лексемный и парадигмный охват каждого форматива, соответственно — наличие или отсутствие ограничений в применении каждого форматива; б) тесно связанная с этим регулярность; в) гомогенность (единообразность) данного форматива всей остальной совокупности падежных формативов.

В результате системного анализа была установлена многослойность склонения в «Кутадгу билиг».

2.1. Определена, прежде всего, основа склонения исследуемого текста. Иными словами, установлен тот набор падежных формативов, который в «Кутадгу билиг» не имеет ни парадигмных, ни лексемных ограничений, используется вполне регулярно и благодаря своей гомогенности увязывается в весьма своеобразную, внутренне сопряженную систему парадигм [9], называемую нами «базисной системой склонения». Базисная система склонения в языке «Кутадгу билиг» характеризуется следующими двумя специфическими признаками.

1) Регулярное использование падежных формативов с консонантическим анлаутом (мы называем такие формативы маркированными) — -niŋ для род. падежа, -ni для вин., -ka/-ga для дат.-напр. — в именной и посессивно-именной парадигмах одинаково безразлично к тому, на согласный или на гласный оканчивается склоняемое имя. Примеры: р о д. п. er-*niŋ* КВІ 250 $B178_{2366}$, 258 $B183_{2110}$, 259 $C134_{2160}$, 272 $B193_{2589}$ «мужа», söz-*nüŋ* 273 $B194_{2601}$ «слóва» и söz-ü*ŋ*-*nüŋ* $200C91_{1833}$ «твоего слóва»; в и н. п. er-*ni*, til-*ni* $33A17_{162}$ «мужа», «язык», söz-*ni* 32 $B23_{153}$, 35 $B26_{185}$ «слово» и söz-üm-*ni* 209 $B146_{1910}$ «мое слово» (для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица возможны два параллельно употребляющихся маркированных форматива вин. падежа -ni и -n: yüz-i-*ni* и *baš-y-n* КВІ 333 $C190_{3286}$ «его лицо» и «его голову»); д а т.- н а п р. п. kiši-*ke* 72 $C24_{572}$ «человеку», söz-*ke*

---

[8] Посредством КВ сокращенно обозначается издание: R. R. A r a t, «Kutadgu Bilig». I — Metin, İstanbul, 1947.

[9] В предлагаемом анализе автор исходит из тех системообразующих признаков тюркского склонения, которые были выделены в ее статье «О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках» (ВЯ, 1975, 1).

77 $B54_{613}$ «слову» и söz-üŋ-*ke* 111 $A38_{938}$ «твоему слову», iš-im-*ke* 178 $B126_{1611}$ «моему делу».

Подобная единообразность именной и посессивно-именной парадигм, исходящая из отсутствия у маркированных падежных формативов грамматической обусловленности, с одной стороны, и отсутствие у этих формативов фонетической обусловленности, с другой, являются характерными чертами уйгурско-узбекского (с исторической точки зрения: «карлукского») типа склонения.

2) Регулярное наличие интерфикса -n- в дат.-напр., местн. и исх. падежах той части посессивно-именной парадигмы, которая охватывает склонение имен с аффиксами принадлежности 3-го лица. Примеры: дат.-напр. п. kiši körk-i-*n*-ge KBI 237 $B168_{2215}$ «красоте человека», ilig su'al-ler-i-*n*-ge KBI 13 $B8_{13}$ «вопросам князя»; местн. п. türk beg-ler-i-*n*-de KBI 42 $B32_{277}$ «у тюркских беков»; исх. п. jaqynlyq jol-y-*n*-dyn KBI 106 $A36_{886}$ «с пути близости». Иными словами, перекрещивание категории падежа и категории принадлежности формально здесь четко выражено интерфиксом -n-.

Наличие интерфикса -n- в этой части посессивно-именной парадигмы присуще огузскому и кыпчакскому типам склонения; в карлукском (уйгурско-узбекском) типе этот признак отсутствует (т. е. равен нулю). Значит, для того чтобы на фоне четко выраженных черт карлукского типа в склонении языка «Кутадгу билиг» адекватно истолковать интерфикс -n-, надо, прежде всего, решить вопрос: отражает ли здесь этот признак огузский тип или кыпчакский? Для этого необходимо проследить системные связи -n- в склонении, как оно представлено в языке поэмы.

В «Кутадгу билиг» интерфикс -n- используется при абсолютном отступлении от такого классического признака огузского типа склонения, как фонетическая обусловленность маркированных падежных формативов, и при отсутствии таких регулярных немаркированных падежных формативов, наличие которых в огузском типе вызвано чисто фонетическими причинами. Иначе говоря, в отличие от огузского типа склонения, здесь регулярное использование интерфикса -n- увязывается со столь же регулярным употреблением маркированных падежных формативов как во всей именной, так и целиком в посессивно-именной парадигмах. Тем самым трактовка -n- в языке поэмы как огузской черты отпадает.

Между тем в кыпчакском типе склонения регулярное использование маркированных падежных формативов в именной парадигме и в различной степени (по разным языкам) преобладающее их употребление в посессивно-именной парадигме регулярным образом конкордировано с употреблением -*n*- в посессивно-именной парадигме 3-го лица. Учитывая эту особенность кыпчакского типа склонения, приходится квалифицировать интерфикс -n- в «Кутадгу билиг» как кыпчакский признак.

Адекватность такой трактовки -n- в языке поэмы, как и возможность сочетания кыпчакского признака с карлукским, подтверждается еще одной совершенно регулярной и весьма выразительной чертой. Дело в том, что дат.-напр. падеж в посессивно-именной парадигме 3-го лица в «Кутадгу билиг» при наличии интерфикса -n- регулярно реализуется маркированным формативом -ga/-ge [10] (но отнюдь не немаркированным -a/-e, как в

[10] Мы оставляем пока в стороне фонетическую сторону вопроса, а именно переход консонантного сочетания -n-g- (в соединении морфем -n-ga или -n-garu, см. ниже) в -ŋ-, хотя с точки зрения диахронической именно на основе этого перехода можно сделать далеко идущие заключения (ср.: А. М. Щ е р б а к, Грамматический очерк тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, М.— Л., 1961, стр. 67). В конечном счете эти заключения могут касаться вторичного происхождения огузской посессивно-именной парадигмы (в части дат.- напр. падежа имен с аффиксом принадлежности 3-го лица) из карлукско-кыпчакской: «ср. *башїн* + *ƫа* „к его голове“ > *башїŋа* > *башї-*

огузском и кыпчакском типах!): sü baš-y-*n-ga* КВІ 245 В174$_{2309}$ «начальнику войска», anyŋ jol-y-*n̄-ga* 21 С15$_{16}$ «к его пути».

В отношении подобных посессивно-именных форм дат.-напр. падежа, сочетающих в себе признаки двух разных типов склонения — карлукского и кыпчакского (-n-ga), склонение в языке «Кутадгу билиг» обнаруживает известную общность со склонением в древнетюркских, а также в ряде средневековых текстов — как ранних (например, «Алтун ярук»), так и более поздних («Мухаббат-наме», «Гулистан» Сейфа Сараи, «Кысас ал-анбийа» Рабгузи и др.), а из современных языков — в тувинском, шорском, сарыг-югурском, в диалектах хакасского языка.

Взаимодействие двух названных регулярных черт в базисной системе склонения «Кутадгу билиг» позволяет квалифицировать ее как представляющую своеобразный смешанный — карлукско-кыпчакский — тип склонения.

2.2. Выделен инородный по отношению к этой базисной системе склонения слой падежных формативов, представляющих огузский тип склонения. Это характерная черта совсем другой — огузской — группы тюркских языков, нежели та, которую репрезентирует «Кутадгу билиг».

При интерпретации этого слоя падежных формативов необходимо учитывать, что использование огузских языковых элементов, как это специально подчеркивает Э. Р. Тенишев, было традиционным для текстов древне- и средневековой письменности и восходит к «древнетюркскому устному койне», которое «в структурном отношении представляло собою сплав в основном двух начал: огузского ... и уйгурского...» [11]. Подобный сплав языковых фактов, «разных по генезису и по употребительности в нехудожественном языке», типичен для поэзии различных народов и периодов: архаичные и прочие разнородные языковые черты в системе языка поэзии превращаются в выразительные средства [12].

В огузском типе склонения падежные формативы строго распределяются в зависимости от фонетических условий ауслаута склоняемого слова: маркированные формативы (с консонантическим анлаутом) присоединяются обычно к именам, оканчивающимся на гласный; формативы с вокалическим анлаутом (мы называем их немаркированными) обычны для имен с консонантическим исходом, причем такое распределение формативов характерно для всех трех падежных парадигм, что как раз и отличает огузский тип склонения от кыпчакского. В языке «Кутадгу билиг» огузские (немаркированные) формативы — род. п. -iŋ, вин. п. -i, дат.-напр. п. -a/-e — в отношении парадигмного охвата не являются единообразными, а частотность их весьма невысока. Так, род. п. -iŋ наблюдается здесь, главным образом, в местоименной парадигме, причем чаще всего этот формператив присоединяется к местоимению kim «кто»: kim-*iŋ* КВІ 51 В38$_{361,367}$, 69В50$_{546-547}$, 127 В91$_{1102}$, 177 В125$_{1597}$, 229 С111$_{2126}$, 315 В226$_{3072}$, 344 В251$_{3115}$;

на» (там же). Судить о возможности именно такой последовательности исторического развития сейчас представляется преждевременным.

Вместе с тем нельзя не заметить, что невниманием к названному переходу были вызваны к жизни неадекватные морфологические трактовки подобных морфемных сочетаний. С одной стороны, ŋ, получившийся в результате перехода -n-g- > -ŋ-, был отнесен к составу формативов дат.- напр. (*-ŋa*) или напр. (*-ŋaru*) падежей (В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, М., 1963, стр. 35; его же, Язык орхоно-енисейских памятников, М., 1960, стр. 28), а с другой — вовсе исключен из состава, например, формператива напр. падежа: *-aru* (В. Г. Кондратьев, Очерк грамматики древнетюркского языка, Л., 1970, стр. 14).

[11] Э. Р. Тенишев, О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников, сб. «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова», Л., 1976, стр. 164.

[12] И. А. Оссовецкий, О языке русского традиционного фольклора, ВЯ, 1975, 5, стр. 67.

гораздо более редки огузские формы других местоимений: biz-*iŋ* КВІ 48_{73} «наш», siz-*iŋ*-siz 27 A15_{108} «без вас»; наряду с немаркированным -iŋ в местоименной парадигме может использоваться обычный маркированный форматив род. падежа -niŋ: olar-*niŋ* КВІ 20 B15_{32}, 28 B19_{113} «их», bular-*niŋ* 360C210_{2590} «этих», qamuγ-*nuŋ* 614 B444_{6206} «всех».

Огузский немаркированный форматив вин. п. -i в местоименной парадигме также чаще всего сочетается с местоимением kim «кто», однако и здесь возможны случаи параллельного употребления огузского -i и обычного -ni даже в небольших фрагментах текста; см. kim-*i* и kim-*ni* КВІ 274 B$195_{2615-2616}$, 349 C$203_{3178-3180}$. Подобный же параллелизм можно наблюдать в посессивно-именной парадигме, ср. seniŋ qaδγu-ŋ-*y*, seniŋ can-iŋ-*i* КВІ 140 C$55_{1229-1231}$ «твою печаль», «твою душу» и baš-yŋ-*ny*, til-iŋ-*ni*, söz-üŋ-*ni* 114 B$80_{967-968}$ «твою голову», «твой язык», «твое слово», см. также meniŋ köŋl-üm-*i* КВІ 22 C15_{47} «мое сердце». В именной парадигме вин. п. -i отмечен в считанном числе словоформ: ... kör ögdülmiš-*i* КВІ B135_{1753} «смотри на Огдюльмиша», ol bitise söz-*i* 280 C149_{2674} «если он напишет слово» (оба примера — в составе рифмы).

Наибольшее число зарегистрированных нами случаев употребления огузского немаркированного форматива приходится на дат.-напр. падеж — -a/-e. Тем не менее, и этот огузский форматив имеет в языке «Кутадгу билиг» характер вкрапления: не испытывая парадигмных ограничений, он имеет здесь суженный лексемный охват. Например, в именной парадигме из 29 зарегистрированных словоформ 12 представляют собой дат.-напр. падеж аллегорического имени собственного ögdülmiš-*e* КВІ 199 A70_{1815}, 314 C176_{3061}, 320 B230_{3131}, 332 C190_{3281}, 334 C 191_{3302}, 621 A179_{6275}, 625 C375_{6305}, 627 C377_{6340}, 634 C378_{6410} и одна — имени собственного oδγurmyš-*a* 334 C191_{3302}. В посессивно-именной парадигме дат.-напр. п.-a/-*e* отмечен в одном случае после аффикса принадлежности 2-го лица ед. числа (seniŋ taγ-yŋ-*a* КВІ 330 B239_{3251} «на службу к тебе») и в нескольких — после аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа (oγl-um-*a* КВІ 35 B26_{186}, 142 B102_{1251} «моему сыну», iš-i-m-*e*, jaš-ym-*a* 314 C176_{3059} «моему делу», «моему возрасту»).

Итак, огузские (немаркированные) падежные формативы, не будучи единообразными в отношении парадигмного и лексемного охвата, имеют в языке «Кутадгу билиг» целый ряд существенных лексемных и парадигмных ограничений, обладают низкой частотностью и практически носят характер нерегулярных вкраплений, между собой мало соотнесенных (последнее можно продемонстрировать на примере местоимения kim: ср. род. п. kim-*iŋ*, вин. п. kim-*i*, т. е. с огузскими немаркированными формативами, но обычно дат.-напр. п. kim-*ke* КВІ 92 B64_{753}, 197 B138_{1797}, 215 B152_{1978}, 316 C177_{3079}, 649 C390_{6581} «кому», т. е. с обычным маркированным формативом).

2.3. Выделен еще один слой падежных формативов, инородный по отношению как к базисной системе склонения, так отчасти и к огузским падежным элементам. Это напр. падеж на -gar и аккузатив на -(i)g, которые мы, с известной долей условности, относим к архаическому слою [13]. Использо-

[13] Э. Р. Тенишев рассматривает -(i)g в числе огузских признаков (Э. Р. Тенишев, указ. соч., стр. 164). Поскольку падежный форматив -(i)g, широко распространенный в памятниках древнетюркской письменности, где он имел строгую и четкую дистрибуцию, в настоящее время сохранился лишь в отдельных диалектах и говорах огузской подгруппы (например, в кедабекском говоре азербайджанского языка -iq, -yq, -uq—форматив род. падежа, естественно, утративший прежнюю дистрибуцию), допустимо рассматривать его в качестве архаического признака.

Относить напр. падеж на -gar к архаическому слою не мешает то обстоятельство, что пережиточно этот форматив может спорадически встречаться в современных парадигмах склонения отдельных местоимений, например, кумыкского языка, а также ряда диалектов татарского и башкирского языков.

вание того и другого в «Кутадгу билиг» нерегулярно, имеет целый ряд существенных ограничений лексемного и парадигмного характера, особенно для -gar. Практически этот форматив в языке «Кутадгу билиг» могут принимать только личные местоимения 1, 2 и 3-го лиц ед. числа и указательное местоимение bu: «этот»: maŋgar KBI 498 B359$_{1995}$ «мне», saŋgar KBI 96 C34$_{789}$, 109 B77$_{923}$ «тебе», aŋgar 65 A28$_{503}$, C20$_{506}$, 238 B169$_{2238}$ «ему», muŋgar 100 C36$_{826}$, 355 A101$_{3537}$ «этому».

Напротив, аккузатив -(i)g проник в местоименную парадигму [14], главным образом, благодаря аффигированным местоимениям, а именно мн. числу указательных местоимений bu «этот», ol «тот» и местоимения 3-го лица ol (bu-lar-yγ KBI 303 B216$_{2929}$, 448 C265$_{1\cdot57}$, H206; o-lar-yγ 40 B31$_{251}$, 437 C257$_{1350}$, 445 B319$_{1430}$, 448 C265$_{1\cdot61}$, 454 B326$_{\cdot526}$, 483 B348$_{1836}$, H122, 635 A182$_{6\cdot28}$), а также некоторым производным местоимениям, как, например, вопросительное ne-gü «как» (negü-g KBI 393 B282$_{3901}$), уподобительно-сравнительное sini teg «(такой) как ты», или прономинализирующимся сочетаниям типа ne erseler «какие бы ни были; любые; все» (ne erse-ler-ig KBI 18 C13$_{14}$). Из непроизводных местоимений форматив -(i)g могли принимать только возвратное öz «сам» (см. довольно употребительное öz-üg/öz-ig «[себя] самого») и вопросительное kim (см. очень редкое kim-ig «кого» рядом с kim-i «кого» KBI 646 C387$_{65\cdot3}$), причем для последнего из них вообще характерен разнобой и неупорядоченный параллелизм вариантов формативов каждого из изучаемых падежей. Примечательно, что названная группа местоимений по своей фонетической структуре уподобляется именным моделям склонения. Видимо, на основе этого уподобления и происходило выравнивание местоименного склонения в названной его части по образцу именного склонения, т. е. осуществлялась «общая тенденция к смешению и аналогизации типов склонения» [15]. Особенно заметен вторичный характер использования -(i)g в местоименном склонении при рифмовке некоторых из таких местоименных форм аккузатива и соответствующих именных словоформ: sini teg-ler-ig — beg-ler-ig KBI 607 C367$_{6123}$ «подобных тебе» — «князей»; ne erse-ler-ig — sen tirig KBI 18 C13$_{14}$ «каких бы то ни было» — «ты живой». Одной из частотных рифм в «Кутадгу билиг» являются именная и возвратно-местоименная словоформы аккузатива: söz-üg—öz-üg KBI 45 B33$_{298}$, 70 C23$_{558}$, 118 C40$_{1003}$, 119 C41$_{1013}$, 150 A55$_{1326}$, 265 B188$_{2519}$, 276 B196$_{2629}$, 278 C147$_{2656}$, 280 C149$_{2677}$ «(его?) слова» — «(его?) самого».

Для пары словоформ последнего примера, как и для подобных словоформ с консонантическим ауслаутом склоняемых основ, возможны два способа трактовки: söz-üg, öz-üg и söz-ü-g, öz-ü-g, т. е. с точки зрения формальной допустимо либо отнесение гласного к составу форматива аккузатива, либо выделение этого гласного в качестве показателя принадлежности 3-го лица ед. числа. Семантически возможны оба разбиения. Последний вариант его может быть поставлен под сомнение с точки зрения системной — ввиду того, что -(i)g в остальных частях посессивно-именной парадигмы совершенно не представлен; препятствует такому толкованию словоформ типа sözüg также примеры, где эти словоформы явно употребле-

[14] В орхоно-енисейских памятниках, как известно, существовала строгая дистрибуция формативов вин. падежа по парадигмам склонения: за местоименной парадигмой был закреплен форматив -ni, за посессивно-именной — -n, тюрко-монгольский форматив -ig был «единственным аффиксом вин. падежа, выступающим при именах» (W. R a d l o f f, Die alttürkische Inschriften der Mongolei, N. F., СПб., 1897, стр. 62; см. также: В. М. Н а с и л о в, Язык орхоно-енисейских памятников, М., 1960, стр. 25; А. А. Р а д ж а б о в, Язык орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности. Морфология. АКД, Баку, 1967, стр. 9, 13).

[15] В. М. Ж и р м у н с к и й, Развитие строя немецкого языка, М.— Л., 1936, стр. 20.

ны без посессивного показателя: bayat aty birle söz-üg bašladym KBI 29 $B21_{121}$ «именем бога начал я слово» (при söz должен был бы быть аффикс принадлежности 1-го лица ед. числа -üm).

Таким образом, если сфера форматива напр. падежа -gar ограничивается отдельными (но центральными) частями местоименной парадигмы и вовсе не захватывает ни именную, ни посессивно-именную парадигмы, то сфера действия аккузатива -(i)g, напротив, приходится главным образом на именную парадигму, распространяясь также на некоторые периферийные участки местоименной парадигмы и не задевает посессивно-именную парадигму (либо — под сомнением — затрагивает лишь одну ее часть — имена с аффиксами принадлежности 3-го лица). И в именной парадигме, и особенно в местоименной аккузатив на -(i)g по частотности сильно уступает обычному (почти универсальному) формативу вин. падежа -ni при том, что -(i)g и -ni употребляются, как правило, параллельно и нередко взаимозаменяются (это особенно заметно в словесных клише — см. 4.2).

2.4. Результатом избыточности своих формальных признаков склонение в языке «Кутадгу билиг» имело известную межпарадигматическую и даже внутрипарадигматическую несводимость и несоответствия, неустойчивость и недостаточную регулярность. Особенно заметны внутрипарадигматические несводимость и нерегулярность в склонении, например, местоимения kim «кто», как оно представлено в «Кутадгу билиг»: род. падеж имеет, как правило, огузский немаркированный форматив -iŋ, а дат. падеж характеризуется, напротив, маркированным -ke, между тем как для вин. падежа употребляются и маркированный -ni, немаркированный -i, и неконтрастный по отношению к ним форматив -(i)g.

В этих условиях было важно отделить наиболее существенные признаки склонения, игравшие в языке «Кутадгу билиг» основную роль в определении самой природы (типа) склонения и его специфики, от признаков менее существенных. Именно благодаря применению системного анализа удалось определить базисную систему карлукско-кыпчакского типа. Таким образом, стратификация падежного склонения в языке «Кутадгу билиг» предстает в следующем виде: базисная система карлукско-кыпчакского типа и традиционные — огузский и архаический — слои.

Причину «некоторой смешанности в отношении языка» «Кутадгу билиг» С. Е. Малов склонен был видеть в том, что сочинение это, написанное в Кашгарии в г. Баласагуне в XI в., дошло до нас в списках XV в.[16]. При всей справедливости заключения С. Е. Малова [17] следует все же признать, что поновления переписчиков были отнюдь не единственной причиной. Подобной смешанности в сильной мере способствовали, во-первых, действовавшая письменно-литературная традиция, сохранявшая свой наддиалектный характер, и, во-вторых, жанровая специфика поэзии, благодаря которой разнородные языковые факты в системе языка поэзии становятся либо выразительными средствами, либо своеобразным «строительным» материалом для метрики и рифмовки.

3. Второй лингвистический прием, к которому мы прибегли,— это верификация смешанного состояния падежного склонения в «Кутадгу билиг» на основе типологии близкородственных языков. Здесь мы обратились к данным современной тюркской диалектологии — в той их части, которая касается среднеазиатских районов активного межъязыкового и междиалектного контактирования.

---

[16] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.— Л., 1951, стр. 300.

[17] Заключение С. Е. Малова было подтверждено специальным исследованием Э. Н. Наджипа (указ. соч.).

Современные близкородственные тюркские диалекты и говоры Средней Азии не являются друг для друга непроницаемыми: «... в области грамматики, кроме спонтанного развития грамматической системы, отдельные грамматические формы могут заимствоваться в результате взаимодействия между диалектами» [18]. Действительно, во многих тюркских говорах Средней Азии благодаря контактированию представлено склонение весьма смешанное, когда иноязычным (или: инодиалектным) воздействием затронуты одни звенья системы склонения и не охвачены другие. Тем не менее, как показали наши наблюдения, затронутые иноязычным влиянием звенья склонения чаще всего преобразуются в своего рода сопряженную подсистему, в которой оказываются так или иначе взаимосвязаны все варьирующиеся формы разных падежей [19].

Такой сопряженности нет между разными слоями склонения в языке «Кутадгу билиг». Никак не взаимообусловлены друг другом разнородные напр. падеж на -gar и огузский дат.-напр. падеж на -a. Столь же разнородны формативы вин. падежа: -ni, -i, с одной стороны, и -(i)g, с другой. Из них три форматива — -ni, -ŋ, -i — контрастируют друг с другом по признакам а) наличия или отсутствия консонантического анлаута, б) наличия или отсутствия вокалического ауслаута. Аккузатив -(i)g выпадает из этих противопоставлений, являясь неконтрастным по названным признакам.

Таким образом, применение приема верификации фактов памятника современными диалектными материалами позволяет констатировать, что перед нами склонение, в котором наблюдаются нарушения системных отношений и связей. С точки зрения структурно-генетической это явление трудно объяснимо.

4. К филологическим приемам, разработанным В. М. Жирмунским при исследовании древнетюркского эпоса и его рифмы, мы прибегли с целью определить характер употребления в изучаемом поэтическом тексте падежных словоформ, принадлежащих двум традиционным слоям — архаическому и огузскому.

Как известно, тюркскому стиху свойственна грамматическая рифма, обусловленная «материальным тождеством соответствующих именных или глагольных окончаний, характерным для языков агглютинирующего строя» [20]. По наблюдениям В. М. Жирмунского, особенно значителен вес глагольной рифмы; гораздо более ограничено использование именной рифмы, в том числе падежной. Надо сказать, что В. М. Жирмунский придавал большое значение изучению рифмы у старых, например немецких, поэтов не только в плане собственно стиховедческом, но также в аспекте исторической диалектологии уже потому, что как раз пестрота форм «достаточно прочно засвидетельствована рифмами точно рифмующих поэтов» [21].

Изучение падежной рифмы в «Кутадгу билиг» мы проводили при учете конкретных словоформ, в плане стилистики падежных форм. Это дало любопытные результаты.

4.1. Оказалось, прежде всего, что наиболее часто среди других падежных форм в рифме выступает аккузатив на -(i)g. Конкурировать с аккузативом по частоте употребления в рифме может, пожалуй, только основной падеж. Что же касается напр. падежа на -gar, то он выступает в рифме буквально в единичных случаях.

---

[18] В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М.— Л., 1956, стр. 540.

[19] См. об этом: Г. Ф. Благова, Соотношения типов и структурных разновидностей падежного склонения в среднеазиатско-тюркских языках и диалектах, сб. «Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки», М. (в печати).

[20] В. М. Жирмунский, Ритмико-синтаксический параллелизм..., стр. 3.

[21] В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, стр. 23.

В чем же причина такой высокой частотности аккузатива на -(i)g в рифме? Дело в том, что именно этот аккузатив был особенно удобен для рифмовки — он создавал возможности для более широкой маневренности в рифме, с его помощью достигалось известное разнообразие на довольно бедном, в общем-то, фоне грамматической рифмы. В случае, когда в качестве рифмы использовались окончания других падежей, необходимо было повторение формы того же падежа, а формантное тождество, разумеется, не способствовало обогащению рифмы.

Между тем аккузатив на -(i)g мог рифмоваться и не только сам с собою (т. е. рифма внутри словоизменительной сферы), но весьма часто сопрягался с некоторыми словообразовательными моделями. Словоформы аккузатива могли рифмоваться с именами, которые образованы либо с помощью аффикса -lik от имен, либо посредством аффикса -(i)k/-(i)g от глагольных основ (в первом члене приводимых ниже пар выступает отглагольный дериват, во втором члене через косую приводятся словоформы аккузатива, которые, по нашим наблюдениям, рифмуются с этим дериватом): **bil-ig** «знание»— erdem-ler-*ig* «добродетели» KBI 185 $C81_{1683}$/til-*ig* «язык» 34 $B25_{174}$, 78 $B55_{623}$, 175 $B124_{1590}$; **ary-γ** «чистый» — yaraγsyzlar-*yγ* «неподходящих» 102 $B71_{817}$/mü'min-*ig* «правоверного» 120 $A45_{1022}$, 642 $A184_{6512}$, 643 $C386_{6518}$/ḫalajyq-lar-*yγ* «созданий» 120 $A45_{1022}$; **tiri-g** «живой»— er-*ig* «мужа» 162 $C69_{1117}$, 164 $B116_{1366}$, 201 $A71_{1839}$/jir-*ig* «место, земля» 39 $A18_{237}$, 155 $B111_{1383}$, 642 $A184_{6507}$/jir-ler-*ig* «земли» 602 $C364_{6069}$/bir-*ig* «одного (из них)» 176 B 124_{1590}/bek-ler-*ig* «князей» 602 $C364_{6073}$. Словоформы старого аккузатива рифмуются также со словами, которые воспринимаются как неразложимые: **čerig** «войско» — er-*ig* «мужа» KBI 247 $A87_{2328}$/ersig-ler-*ig* «доблестных» 251 $B178_{2371}$; **qamuγ** «все» — qul-*uγ* «раба» 19 $C14_{28}$; **ilig** «князь»— er-*ig* «мужа» 75 C —$_{593}$, 178 $B126_{1613}$; **elig** «рука»— til-*ig* «язык» 169 $A61_{1519}$, 316 $C177_{3075-3076}$; **uluγ** «великий»— qul-*uγ* «раба» 77 $B54_{611}$, 206 $B144_{1884}$/jol-*uγ* «путь» 146 $B105_{1293}$, 201 $A71_{1842}$, 228 $B161_{2115}$, 232 $B164_{2163}$. В этих примерах благодаря словоформам аккузатива создается «рифма разного морфологического образования» [22], при которой звуковое тождество не опирается на формантное тождество рифмующихся членов стиха. В одном случае отмечено даже полное отступление от грамматической рифмы на основе использования в ней аккузатива — словоформа этого последнего рифмуется с самостоятельным словом **ig** «болезнь», благодаря чему рифма оказалась построенной на игре слов: teŋsiz **ig** «скверная болезнь»— teŋsiz-*ig* «неподобающего» KBI 183 $B129_{1662}$.

В приведенных выше примерах форматив аккузатива -(i)g и имяобразующий аффикс -(i)g являются омофонами при том, что каждый из них принадлежит принципиально разным сферам — словоизменительной и словообразовательной. Такая омофонность разных морфем литературно обыгрывалась в тюркской поэзии XI в., где уже происходило «звуковое обособление рифмы как самостоятельного средства метрической композиции» [23]. Подобные рифмы разного морфологического образования, естественно, укрепляли позиции аккузатива на -(i)g, прежде всего, в поэтической разновидности письменно-литературного языка. Отказаться от использования аккузатива на -(i)g для поэта XI в. означало бы существенно обеднить и без того не слишком богатые возможности грамматической рифмы.

4.2. Хотя наибольшее число употреблений аккузатива в «Кутадгу билиг» падает на рифму, он мог достаточно широко использоваться и за пределами рифмы. И все же здесь можно усмотреть известное ограничение: дело в том, что большое число употреблений аккузатива за пределами

[22] В. М. Жирмунский, Ритмико-синтаксический параллелизм ..., стр. 11.
[23] Там же.

рифмы падает на своего рода словесные клише [24], из которых чаще всего встречаются следующие: bu bẹjt-*ig* oqy(γyl) KBI 182 B128$_{1619}$, 188 C83$_{1708}$, 221 C106$_{2011}$, 240 B170$_{2253}$, 240 B170$_{2253}$, 271 C142$_{2578}$, 281 C150$_{2690}$, 349 C203$_{3479}$ (245 B174$_{2106}$, 275 A96$_{2625}$) «прочитай это двустишие», söz-*üg* sözle- KBI 113 B80$_{962}$, 118 B84$_{1008}$, 209 B147$_{1912.1913}$, C97$_{1916}$ и söz-üg ay-119 C41$_{1012}$ «сказать слóво», söz-üg bašla- «начать речь» (bayat aty birle sözüg bašladym KBI 29 B21$_{121}$, 17 B13$_{1}$, 152 B108$_{1313}$, 325 B235$_{3188}$ «именем бога начал я слово»). Вообще одной из наиболее частотных словоформ аккузатива является söz-üg «слóва», сочетающаяся, кроме того, с другими глаголами, которые, как и в вышеназванных клише, могут выступать в различных формах: söz-*üg* ač- KBI 119 A45$_{1018}$ «открыть (начать) речь», söz-*üg* tut- 164 B116$_{1469}$ «держать слово», söz-*üg* kes- 315 B226$_{3067}$, 588 A169$_{5938}$ «оборвать слово (речь)». Параллельно употребляются варианты тех же клише, где вместо аккузатива на -(i)g выступают формы вин. падежа посессивно-именной парадигмы на -n или же основного падежа имен, снабженных посессивными показателями либо не имеющих их. Примеры: söz-*i-n* kesti KBI 78 B55$_{625}$, 112 B79$_{951}$, 121 C42$_{1034}$, 621 A179$_{6274}$ «он оборвал свою речь» и kestim söz-üm 86 C28$_{698}$ «я оборвал свою речь», kesgil soz-üŋ 612 C371$_{6182}$ «оборви свою речь»; bu söz bašladym 52 B39$_{380}$ «я начал это слово (речь)». Надо сказать, что названные варианты словесных клише гораздо менее частотны, нежели модели с аккузативом -(i)g. Само наличие таких вариантов может свидетельствовать о тенденциях к проникновению форм обиходного языка в словесно-литературные клише и шире — о взаимодействии письменно-литературного языка в его наиболее рафинированной, поэтической разновидности и языка обиходного. Менее стабильным и менее частотным в «Кутадгу билиг» является клише со словоформой аккузатива ölüm-*üg* «смерть»: ölüm-*üg* unyt(ma)-KBI 144 C58$_{1273}$, 150 B107$_{1323}$, 155 B111$_{1381}$, 243 B172$_{2287}$ «(не) забывать о смерти» (ср. словоформу аккузатива ölüm-üg в сочетании с глаголами uq- 135 B96$_{1177}$, 170 B120$_{1536}$ «разуметь, понимать», kör- 135 B96$_{1178}$ «видеть», saqyn- 131 B94$_{1139}$ «размышлять; остерегаться», tiδ-136 C153$_{1196}$, 137 C53$_{1197}$ «задерживать», jet- 137 C53$_{1203}$ «достигать»). И в этих случаях видна известная связанность, литературность употребления аккузатива в «Кутадгу билиг».

Таким образом, применение филологического приема, нацеленного на изучение рифмы и традиционных формул в поэтическом тексте, позволяет сделать определенные выводы относительно характера употребления аккузатива в «Кутадгу билиг». Становится ясным, что в сохранении аккузатива, неконтрастного по отношению к другим формативам вин. падежа, системно никак не оправданного и не укладывающегося в систему склонения, в языке «Кутадгу билиг» сыграли роль не структурно-генетические факторы, но факторы, связанные с природой письменно-литературного языка и, в частности, с характером исследуемого текста, а именно — с принадлежностью последнего к поэтическому жанру, а соответственно — с требованиями метрики и рифмовки, с одной стороны, а с другой — наличием в письменном языке закрепленных литературной традицией словесных клише, включающих аккузатив -(i)g.

4.3. Наблюдения над напр. падежом на -gar показали, что он представлен только отдельными словоформами местоимений 1, 2 и 3-го лица ед. числа и указательного местоимения bu — mu͡ŋgar «к этому». В рифме эти словоформы употребляются весьма редко, чуть ли не единственный пример следующий: orun ol törütti orun joq a͡ŋgar*anyŋsyz orun joq bütün bol mu͡ŋgar

[24] Исследование разнообразных «готовых формул поэтического стиля» в языке древнетюркской письменности см.: Э. Р. Тенишев, указ. соч.

КВІ 19 В14$_{19}$ «он создал место, для него [же] нет места * [но и] без него нет места, будь уверен в этом».

Вообще же из четырех словоформ напр. падежа — maŋ͡gar «ко мне», saŋ͡gar «к тебе», aŋ͡gar «к нему» и muŋ͡gar «к этому»— только последняя является довольно частотной. При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что эта относительная частота употребления возникла за счет того, что словоформа muŋ͡gar выступает в составе окказионально-устойчивого словосочетания, которое входит компонентом в словесно-литературную стандартизованную формулу. Наиболее часто употребительными являются такие варианты этой формулы (через косую приводятся варьирующиеся дополнения к сказуемому ajdy «сказал»; соответственно через косую же производится документация и перевод варьирующихся примеров; повторяющиеся примеры одного варианта документируются в интервале между косыми через запятую): muŋ͡gar meŋzetü ajdy ša'ṭr bu söz/sözi/sözin/tili/bu beĵt / türkče mesel (в последнем случае из-за размера пропущено подлежащее ša'ir) КВІ 104 В73$_{467}$, 110 В77$_{927}$, 128 В91$_{1104}$, 215 А76$_{1971}$/131 С49$_{1138}$, 207 А73$_{1900}$ / 138 С54$_{1212}$, 159 А58$_{1421}$ / 74 А31$_{586}$ / 197 В138$_{1798}$ «уподобляя этому, поэт сказал такое слово / слово / свое слово / речь / такой стих / тюркскую пословицу». Варьирование формулы может осуществляться также за счет изменения порядка следования членов второй ее части и иной временной характеристики сказуемого (muŋ͡gar meŋzetü sözni ša'ir ajur КВІ 223 С107$_{2065}$ «уподобляя этому, поэт говорит слово»), лексемного изменения сказуемого, а иногда и подлежащего (muŋ͡gar meŋzetü sözledi... КВІ 107 В76$_{904}$ «уподобляя этому, сказал», muŋ͡gar meŋzetü sözler öglüg kiši КВІ 99 В69$_{820}$ «уподобляя этому, говорит умный человек»). С названной формулой, безусловно, связана семантически близкая ей следующая формула: muŋ͡gar meŋzetü keldi emdi bu söz / keldi ša'ir sözi / keldi türkče mesel КВІ 84 А34$_{680}$, 95 В66$_{782}$ / 90 В63$_{733}$ / 200 В140$_{1826}$ «при сравнении с этим [на ум] пришло теперь такое слово / пришли стихи поэта / пришла тюркская пословица».

Как можно видеть из приведенных примеров, эти частотные формулы могут варьироваться в разных своих компонентах, но везде остается неизменным сочетание основы глагола meŋze- «быть похожим» с управляемой им словоформой muŋ͡gar.

Таким образом, и другая архаическая форма — напр. падежа на -gar, характеризующаяся очень ограниченным и специфическим лексемным охватом, оказывается обусловленной или по крайней мере поддержанной факторами, относящимися к литературно-письменной традиции.

4.4. Обращаясь к функционированию огузских падежных форм в языке «Кутадгу билиг», можно заметить, что они в своем большинстве— это касается вин. и дат.-напр. падежей — употребляются главным образом в рифме. Пример огузского вин. падежа в рифме: ilahi küδezgil meniŋ köŋlüm-*i** seνüg saνčy birle qopur qopγum-*y* КВІ 22С15$_{17}$ «О боже, сбереги мое сердце * С возлюбленным пророком еще более возвысь меня»; см. также КВІ В135$_{1753}$, 280 С149$_{2671}$ (из отмеченных огузских словоформ вин. падежа практически только две в одном из двустиший употреблены вне рифмы). Пример огузского дат.-напр. падежа в рифме: tilin birdi alqyš kör ögdülmiš-*e**ajur aj bügü beg uzun kič jaša КВІ 634 С378$_{6110}$ «Языком воздал он хвалу, смотри, Огдюльмишу * Говорит: о мудрый бек, долго здравствуй», ajytty qadašlaryn oδγurmyš-*a**esen tip ḫaber birdi ögdülmiš-*e* КВІ 334 С191$_{3302}$ «Он расспросил Озгурмыша о его родственниках* Пожелав здоровья, подал весть Огдюльмишу», etöz can juluqlar meniŋ išim-*e* * du'a arturur bu kečer jašym-*a* КВІ 314 С176$_{3059}$ «Тело и душа [пусть станут] жертвой моему делу * Молитва добавляет [годы?] к этим прожитым моим годам»; см. также КВІ 6 С4$_{26}$, 126 В90$_{1081}$, 198 С89$_{1809}$, 199 А70$_{1815}$, 314

C176$_{3061}$, 320 B230$_{3131}$, 332 C190$_{3281}$, 621 A179$_{6275}$, 623 A179$_{6292}$, 625 C375$_{6305}$, 626 C376$_{6327}$, 627 C377$_{6340}$, 628 C377$_{6315}$.

4.5. Таким образом, филологический прием позволил установить, во-первых, что употребление таких форм, традиционных для текстов древнетюркской, частично и средневеково-тюркской письменности, как аккузатив на -(i)g и огузские падежные формативы, в языке «Кутадгу билиг», связано в первую очередь с принадлежностью исследуемого текста к поэтическому жанру и с требованиями метрики и рифмовки. Во-вторых, на этой же основе удалось выделить ряд словесных клише, традиционных формул, которые присущи поэтическому языку «Кутадгу билиг»,— устойчивыми компонентами таких формул являются словоформы аккузатива или словоформа напр. падежа mun̄ar. Следует подчеркнуть, что в таких клише выступают именно падежные словоформы архаического слоя и не отмечены словоформы огузского слоя. Исходя из литературности функционирования названных словоформ архаического слоя в словесных клише и устойчивых формулах, а словоформ обоих слоев — в рифме, можно полагать, что огузские и архаические падежные словоформы в языке «Кутадгу билиг», как правило, имели стилистическую маркированность.

Ясно, что литературно обусловленное, но тем не менее довольно частотное использование названных словоформ в рифме и в клише не могло не способствовать в известной мере сохранению тех же словоформ и за пределами рифмы и клише.

5. При опоре на типологию близкородственных письменно-литературных языков была проведена дополнительная проверка полученных результатов. При этом мы исходили из того, что язык тюркской поэзии во все времена остается весьма консервативным, благодаря чему в рядах варьирующихся форм устойчиво сохраняются по традиции и огузские, и архаические формы падежного склонения, глагольного спряжения, послелоги и др. Естественно, что наборы варьирующихся форм исторически изменялись, поскольку, в частности, многие архаические падежные формы, не поддержанные ни одним из живых языков, постепенно были утрачены навсегда. Тем не менее, различные огузские и архаические элементы встречаются, например, и в языке современной узбекской поэзии, хотя, конечно, общенародному узбекскому языку они не свойственны. Для XV — начала XVI в. путем языкового сравнения прозаических и поэтических сочинений Навои и Бабура выяснено, что огузские элементы в падежном склонении были свойственны именно поэтической разновидности письменно-литературного языка; для «нейтрального» прозаического стиля огузские элементы являлись чужеродными.

Пользуясь ретроспективным приемом типологии близкородственных письменно-литературных языков и опираясь на тот факт, что употребление огузских падежных форм в языке тюркской поэзии Средней Азии, как правило, носит характер вкраплений, можно с большей уверенностью квалифицировать огузизмы в системе склонения языка «Кутадгу билиг» как инородные формы, использование которых было обусловлено жанрово-стилистическими причинами, поэтической традицией, подражанием авторитетным образцам, требованиями высокого стиля [25]. Подобная квалификация огузизмов в языке «Кутадгу билиг», как и само выделение их там, может способствовать решению «сложнейшей историко-литературной и лингвистической проблемы», которую А. К. Боровков вслед за В. В. Радловым усматривал в самом наличии огузских элементов в средневеково-тюркском письменно-литературном языке XV в.[26]; в наше время изучение

[25] В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, стр. 22.

[26] А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, сб. «Алишер Навои», М.— Л., 1946, стр. 112.

этой проблемы предлагается вести в аспекте наддиалектной поэтической традиции (Э. Р. Тенишев).

6. Таким образом, продолжающиеся поиски новой методики изучения показаний историко-лингвистических памятников в связи с новыми задачами разработки сравнительно-исторической грамматики привели к синтезу собственно лингвистических приемов с филологическими: это обусловлено также сложностью, многослойностью самого исследуемого материала, с одной стороны, и невозможностью применить к нему прием синхронического сравнения из-за уникальности столь репрезентативного текста XI в.

Практика применения комплексного подхода при рассмотрении языка конкретного поэтического текста позволяет считать системный анализ особенно важным среди других приемов названного подхода. Посредством системного анализа удалось: а) определить базисную систему склонения в языке «Кутадгу билиг» как принадлежащую карлукско-кыпчакскому типу; б) выделить несколько слоев в склонении «Кутадгу билиг» и в том числе таких, обусловленных письменно-литературной традицией, как огузский и архаический; в) на основе выявления неконтрастности и гетерогенности этих двух слоев по отношению к базисной системе склонения, а также ограничений, которые испытывают формативы названных слоев в плане парадигмного и лексемного охвата, установить избыточность, чужеродность и несистемность огузского и архаического слоев по отношению к базисной системе склонения в «Кутадгу билиг».

Самый факт бытования огузских падежных формативов в языке поэмы XI в. как чужеродных говорит о том, что и тогда существовало четкое разграничение типов склонения, во всяком случае имелось вполне явственное противопоставление огузского типа карлукско-кыпчакскому.

С помощью стилистики падежных словоформ, функционально-стилистического и филологического приемов стало возможным объяснить, с какой целью использовались эти чужеродные и избыточные слои, помимо самодостаточной базисной системы склонения, в «Кутадгу билиг», показать литературно-жанровую обусловленность их функционирования в языке этого поэтического текста.

Представляется важным констатировать, что смешанный характер языка поэзии XI в. был обусловлен литературно-жанровыми причинами. Учитывая, что о специально стихотворном чагатайском языке со схожими признаками смешения (архаизмы древнеуйгурского характера и гораздо более значительные огузские элементы, в том числе и в склонении) говорил еще А. Н. Самойлович [27], можно утверждать, что в глубь веков уходила традиция сознательно оснащать тюркский письменно-литературный язык и особенно его поэтическую разновидность большим количеством инородных не только лексических, но и грамматических элементов, тем самым культивируя наддиалектный характер письменно-литературного языка и прежде всего языка поэзии. В свою очередь это позволяет высказаться в поддержку плодотворной идеи о наддиалектном характере языка древних тюркских рунических памятников [28].

В «Кутадгу билиг» имеется указание, проливающее свет на природу этой смешанности: поэма написана buγra ẖan tilinčе «на богоханском языке», т. е., пользуясь современной терминологией, на письменно-литературном языке «аристократического типа» [29] но тут же уточняется — türk

[27] А. Н. Самойлович, Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи, «Записки Коллегии востоковедов», II, 2, Л., 1927, стр. 262.

[28] См. об этом: Э. Р. Тенишев, указ. соч.

[29] Там же, стр 170.

luγatinče КВІ 2 $A2_{13}$ — $A3B_{14}$ «тюркскими речениями». Это уточнение можно истолковать как сообщение о том, что обиходный язык XI в. тем или иным способом отражался в литературе. Такое толкование косвенно подтверждается тем, что, на протяжении всей поэмы не раз обращаясь к народной мудрости, автор использует одну и ту же формулу ajdy türkče mesel КВІ 197 $B138_{1798}$ (см. также 200 $B140_{1826}$) «тюркская пословица гласит». Если принять эту гипотезу, то соположение buγra han tilinče türk luγatinče можно истолковать как свидетельствующее об известных связях между письменно-литературным языком аристократического типа и обиходным языком. Опираясь на предложенную комплексную методику исследования, можно проследить, как производился отбор форм для «богараханского языка», как в словесные клише этого рафинированного языка проникали формы обиходного языка (ср. *söz-üg* kes- и *söz-in* kes-«оборвать свою речь», *söz-üg* bašla- и *söz* bašla-«начать слово/речь»), иными словами — происходило взаимодействие письменно-литературного языка и обиходной речи.

Таким образом, применение комплексной методики к изучению средневековых текстов в более широких масштабах позволит получить проверенный материал как для исторической грамматики, истории литературных языков, так и для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.